ЮРИДИЧЕСКАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ

Селективная рациональность? Аргументация Конституционного Суда РФ о сроках полномочий Президента в зеркале когнитивистики

Александра Троицкая*

Заключение Конституционного Суда РФ о конституционности конституционных поправок сыграло заметную роль для вступления в силу принятых в 2020 году изменений к Конституции РФ. По этой причине, а также в связи с тем, что многие из новелл в действительности вызывают вопросы именно с точки зрения их соответствия главам 1, 2 и 9 российской Конституции, прозвучавшие в Заклучении позиции привлекают серьёзное внимание. В статье проанализирована аргументация Суда по одной из существенных новаций — возможности избираться на должность Президента России лицом, занимавшим или занимающим эту должность на момент вступления в силу поправки, без учёта предыдущих сроков. Эта аргументация поставлена в контекст требований рациональности в конституционном праве. Статья направлена на осуществление *bona fide* намерений, связанных с подтверждением субъектности органа конституционного контроля и определением путей совершенствования его аргументации. Деятельность органа конституционного контроля представлена в статье как часть разумной предусмотрительности, предполагающей создание гарантий на случай отклонения от конституционных ценностей. Рациональность его аргументации понимается как сумма требований, соединяющих определённым образом 1) формальную логику и 2) содержательную разумность, определяемую сделанным в конституции ценностным выбором. При этом показано, что рациональность аргументации, прозвучавшей в Заклучении Конституционного Суда относительно проблемы срока полномочий главы государства, может быть поставлена под сомнение с обеих этих точек зрения и по этой причине вызывать ассоциации с когнитивными искажениями (такими, как предвзятость в отборе исходных посылок для аргументации; неполнота изучения сценариев, отражающих последствия проверяемой поправки; фрейминг; логический круг; и другими). Вместе с тем в статье выявляется ограниченность «наивного» когнитивного подхода, недостаточного для работы с аргументацией органа конституционного контроля и актуализирующего дополнительный учёт политико-правового контекста принятия решений этим органом.

DOI: 10.21128/1812-7126-2021-1-84-99

→ Конституционный Суд РФ; аргументация; поправки к Конституции РФ; срок полномочий президента; рациональность

1. Введение

Принятие Закона РФ о поправке к Конституции РФ в 2020 году поставило много вопросов относительно процедурных и содержательных аспектов предложенной (и по-

* Троицкая Александра Алексеевна — доктор юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия (e-mail: stephany@mail.ru).

спешно проведённой) реформы¹. Среди всех примечательных особенностей этого процесса выделим участие в нём органа конституционного контроля, впервые² явным образом вовлечённого в обсуждение именно содержательной части поправки с точки зрения её соответствия главам 1, 2 и 9 Конституции РФ.

В принятом 16 марта 2020 года Заключении Конституционный Суд подтвердил, что порядок вступления в силу статьи 1 Закона о поправке соответствует Конституции РФ и что содержательно предложенная поправка «соответствует положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации».

Значение этого решения для итогового вступления Закона в силу велико³, а многие из новелл в действительности вызывают вопросы именно с точки зрения их соответствия главам российской Конституции, находящимся под «усиленной» защитой и не подлежащим изменению в процедуре принятия поправок. По этим причинам аргументация, прозвучавшая в Заключении, нуждается, как представляется, в дополнительном научном исследовании.

В статье внимание будет уделено аргументации, прозвучавшей в связи с одной из самых серьёзных новаций, а именно в связи с положением части 3.1 статьи 81 Конституции. Это положение касается наличия возможности занимать должность Президента РФ у лица, занимавшего или занимающего эту должность на момент вступления в силу поправки, без учёта предыдущих сроков (идея, получившая название «обнуление президентских сроков»). Данная аргументация будет поставлена в более широкий контекст требований разумности и рациональности в конституционном праве. Кроме того, соответствующие доводы будут оценены с позиций когнитивистики, позволяющей сместить проблему интерпретации конституционных положений в область проблематики познания и охватить как объект, так и субъект познания⁴, и будет представлена проблема (не)достаточности когнитивного подхода для работы с аргументацией органа конституционного контроля.

Статья направлена на осуществление *bona fide* намерений, связанных с подтверждением субъектности органа конституционного контроля и с определением путей совершенствования его аргументации (с позиций состоятельности и убедительности), влияющей в конечном счёте на достоверность выводов данного органа.

¹ В данном случае слово «реформа» использовано в значении «изменение», безотносительно оценок масштаба этого изменения. О дискуссии относительно соотношения различных терминов, описывающих те или иные способы «затронуть» конституционный текст и отношения, см., например: *May В. А.* Конституционно-правовые преобразования и экономические реформы // *Общественные науки и современность.* 1999. № 5. С. 45—55; *Хабриева Т. Я.* Конституционная реформа в современном мире // *Хабриева Т. Я.* Избранные труды : в 10 т. Т. 5. М. : Российская академия наук, 2018. С. 13—302, 91—106.

² Ранее Суд отклонял обращения о проверке поправок (поступавшие *a posteriori*), хотя и демонстрировал эволюцию своей позиции по данному вопросу. См.: Определение Конституционного Суда РФ от 16 июля 2009 года № 922-О-О. URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-16072009-p-967-o-o-ob/> (дата обращения: 03.02.2021); Определение Конституционного Суда РФ от 17 июля 2014 года № 1567-О. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201407220068> (дата обращения: 03.02.2021).

³ В соответствии со статьями 2 и 3 Закона РФ о поправке к Конституции РФ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» общероссийское голосование по предложенным поправкам и дальнейшее вступление в силу содержательной части реформы могли происходить лишь при условии, что Конституционный Суд РФ даёт заключение об их соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции.

⁴ Об утверждении когнитивного подхода для целей юриспруденции см.: *Медушевский А.* Когнитивная теория права и юридическое конструирование реальности // *Сравнительное конституционное обозрение.* 2011. № 5(84). С. 30—42, 31.

2. Конституционное право и проблема логики, рациональности и разумности

2.1. Разумность и разумная предусмотрительность в конституционном праве

Конституционализм как идеология такой реализации публичной власти, которая обеспечивает определённый набор ценностей — верховенство права, свободу человека, широкое участие граждан в принятии публично-властных решений⁵, — логически имеет в своей основе допущение возможности построить конституционное право на разумных основаниях. Вместе с тем в самом принятии в особом порядке актов с заявляемой высшей юридической силой, призванных программировать общественное развитие в определённом направлении, ощущается присутствие достаточно сложного отношения к реализации таких оснований.

С одной стороны, идея принятия конституции, призванной организовать взаимодействие между индивидом, различными группами, государством на заданных началах, имплицитно содержит в себе предположение о *возможности разумного проектирования социальной действительности*. Разработка первых писаных конституций происходила в контексте апологии разума. Неслучайно в первых строках первой статьи «Федералиста» поставлен «важнейший вопрос: способны ли сообщества людей в результате раздумий и по собственному выбору действительно учреждать хорошее правление или они навсегда обречены волей случая или насилия получать свои политические конституции?»⁶ Конституционный дизайн направлен не просто на создание текста, отвечающего тем или иным представлениям о конституционной эстетике⁷; речь идёт о дальнейшем *функционировании* этого текста, то есть о таком структурировании с его помощью системы власти, которое позволит (в соответствии с разумными ожиданиями) привнести в жизнь общества определённые ценности⁸.

С другой стороны, факт принятия конституции (как и правовых установлений в принципе) свидетельствует о том, что признание силы разумности имеет свои пределы. Сама идея конституционализма как ограничения власти (а не любого её конфигурирования), утверждения системы прав и свобод личности и правил их ограничения подразумевает не только способность разумно установить определённую систему ценностей, но и способность предвидеть отклонения различных субъектов от этой системы и заранее противостоять данным отклонениям. Попытки правовыми средствами стимулировать одни виды поведения и блокировать другие свидетельствуют о стремлении предвосхитить сценарии, выходящие за рамки (однажды избранной) ценностной системы, и тем самым обнаруживают своего рода «недоверие» к адресатам этих правовых средств: создатели правовых норм исходят из того, что *без этих норм, устанавливающих как сами ценности, так и способы контроля приверженности именно им*, различные субъекты конституционно-правовых отношений своими деяниями смогут подрывать желаемый социальный результат.

⁵ См.: Конституционное право. Общая часть / под ред. Н. А. Богдановой. М. : Зерцало, 2017. С. 61.

⁶ Федералист: Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея / пер. с англ. Н. Н. Яковлева, М. А. Шершевской, Э. Ф. Осиповой. М. : Издательская группа «Прогресс» — «Литера», 1994. С. 29.

⁷ См.: Барццц И. Н. Конституционный дизайн (о красоте и эстетике конституций) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 41. С. 344—370.

⁸ См.: Comparative Constitutional Design / ed. by T. Ginsburg. Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 2012. P. 1.

В стремлении разумно построить ту или иную модель власти это оказывается особенно заметно. Для публичной власти актуальна задача балансирования прав отдельных индивидов и публичного блага, а соответствующие процессы не только сложны сами по себе, но могут оказаться под дополнительным давлением представлений о корпоративных или личных интересах собственно должностных лиц. Установление конкретных механизмов, направленных на *обеспечение базового ценностного выбора*, — системы сдержек и противовесов, принципа субсидиарности, мер общественного контроля, контрмажоритарных институтов — говорит о том, что идеология конституционализма исходит из субъектности различных акторов, рассчитывает на то, что они будут следовать установленной в конституции разумной основе, но одновременно допускает и вариант отклонения от неё и выстраивает защиту, которая и становится необходима именно в тех случаях, когда что-то идёт не по «конституционному плану». В этом смысле разумный выбор включает в себя разумную предусмотрительность.

Не вызывает сомнений и то обстоятельство, что орган конституционного контроля является ключевым элементом такой предусмотрительности. Именно он призван выступать стражем, гарантирующим сохранение смыслов, заложенных в конституции и в деятельности всех иных субъектов конституционно-правовых отношений. Проблема, однако, заключается в том, что орган конституционного контроля — это тоже часть системы власти; он находится не в изоляции «в башне из слоновой кости», а в пространстве взаимодействия различных политических сил. Кроме того, и это не менее существенно, данный орган состоит из конкретных людей, и действие той сдержки, которую должен представлять собой конституционный контроль, — это вопрос действий этих людей, самостоятельно мыслящих, разделяющих определённые политико-правовые взгляды, управляющих различными психическими процессами (не только мышлением, но и волей, эмоциями и другими), направляющих свою деятельность к известным целям и так далее. Интуитивно понятно, что способность конституционных судей охватывать «конституционный план» и придерживаться его в ходе интерпретации конституции и разрешения на этой основе возникающих в конституционном праве конфликтных ситуаций имеет огромное значение. Однако каким образом определяется обоснованность итоговых результатов?

2.2. Соотношение понятий и их значение для деятельности органа конституционного контроля

В научной литературе уже были поставлены вопросы и были предложены ответы относительно соотношения разумности и рациональности в конституционном праве⁹. В своих рассуждениях мы будем опираться на уже имеющиеся идеи, при необходимости уточняя их для целей данной работы.

В соответствии с базовой идеей *разумность* определяется следующим образом: «осознанность поведения: действовать разумно — значит отдавать себе отчёт в поставленной цели (или реализуемой ценности). Разумность исключает следование... произвольным мотивам поведения. Разумность представляет собой сознательный выбор стратегии поведения. С аксиологической точки зрения разум выражает ценностные ориентации»¹⁰. *Рациональность*, в свою очередь, связывается с представлением аргу-

⁹ См.: Белов С. А. Разумность и рациональность в конституционном праве // Российский юридический журнал. 2017. № 4 (115). С. 9–22.

¹⁰ Там же. С. 11.

ментации, то есть «формализованным порядком рассуждений о средствах достижения поставленных целей в соответствии со строгими требованиями к порядку мышления. Рациональность инструментальна и связана строгими законами дедуктивной логики. Рациональность предполагает строгое следование выбранным (чаще всего формализованным) принципам, правилам и канонам, которые должны быть общеизвестны и позволять любому усомнившемуся в них самостоятельно сконструировать всю логическую цепочку рассуждений и гарантированно прийти к единственно возможному выводу. Рациональность предполагает исчерпывающий круг исходных посылок и строгие правила их интеллектуальной обработки»¹¹.

Разделяя указанную конструкцию, считаем важным всё же уточнить её для конституционного права. Принятие конституции как нормативного проекта, как было уже подчёркнуто выше, действительно обычно заявляется как разумный выбор определённой системы ценностей. Рационально построенная аргументация позволяет в рамках интерпретационной деятельности органа конституционного контроля перенести эти ценности в конкретные отношения. Загвоздка, как представляется, состоит в том, что используемые в конституциях конструкции (собственно, и выражающие те или иные ценности) не обладают математической точностью. Они требуют широкой поддержки при принятии, рассчитаны на максимально большой круг ситуаций и людей. По этим причинам они бывают сформулированы с большой степенью абстрактности¹² и, следовательно, допускают различное содержательное наполнение. Поэтому оказывается под вопросом «гарантированный приход к единственно возможному выводу». Для того чтобы эта проблема не перетекала в «волютаристские» теории¹³, приводящие к тому, что конституция в принципе воссоздаётся каждый раз органом конституционного контроля в отсутствие содержательных пределов, построим конструкцию рациональности аргументации этого органа, учитывая, с одной стороны, необходимость опираться на текст и ценностные установки конституции и, с другой стороны, возможности её вариативного толкования.

В основе рассуждений в любом случае должны быть требования логики. Логическая цепочка остаётся логической цепочкой и приводит к конкретному результату. Но при рассмотрении дела самих логических цепочек может быть и больше одной. Оговорив это, согласимся с приведённым выше тезисом: если любой усомнившийся последует от конкретной исходной посылки по конкретной линии рассуждения, то придёт к тому же результату. Тонкость заключается в том, что усомниться можно в самой исходной посылке. Какие именно послылки содержатся в нормах конституции? Это ключевой вопрос. Имея его в виду, введём дополнительную часть требований к рациональному построению аргументации: кроме логических правил интеллектуальной обработки исходных посылок, такая аргументация должна включать в себя *обоснование круга посылок, которые рассматриваются как исходные на основе норм конституции, причём взятых обязательно в системе.*

¹¹ Белов С. А. Указ. соч. С. 11–12 (при цитировании опущена имеющаяся в работе ссылка на Гуссерля).

¹² См.: Alexy R. A Theory of Constitutional Rights. Oxford ; New York : Oxford University Press, 2002. P. 3; Fleming J. E. Fidelity, Change, and the Good Constitution // American Journal of Comparative Law. Vol. 62. 2014. No. 3. P. 515–546, 524.

¹³ См.: Тропер М. Проблема толкования и теория верховенства конституции // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 4 (53). С. 171–181; Тропер М. Реалистическая теория толкования // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. № 1 (54). С. 136–143; Тимошина Е. В. Судья как новый суверен: волютаристская теория толкования Мишеля Тропера // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2016. № 2. С. 50–61; Урошлева А. Эволютивный подход в аргументативной практике конституционного правосудия // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 6 (139). С. 87–112, 107–108.

Иными словами, *рациональность соединяет (формальную) логику и (содержательную) разумность определённым образом*. Рациональные построения должны следовать логическим правилам. В основе такого построения лежит некоторое утверждение, из которого мы выводим другие. При этом предполагается, что обоснованность вывода зависит от связи утверждений, а не от их содержания. Однако содержательная часть нас тоже интересует. Набор принимаемых во внимание стартовых утверждений с точки зрения содержания устанавливается разумно определёнными конституционными ценностями. Это означает, что конституционные ценности должны быть проанализированы на предмет того, какие именно стартовые утверждения, выступающие в роли исходных посылок, мы должны включить в рассмотрение при разрешении спора (рис. 1).

Рис. 1. Рациональная аргументация.

Приведём пример, чтобы проиллюстрировать эту идею. Предположим, что орган конституционного контроля рассматривает вопрос о допустимости проведения референдума по вопросу об изменении ряда положений конституции в ситуации, когда проведение референдума для такого изменения не предусматривается самой конституцией. Глядя на конституционную норму о демократическом и правовом характере государства, суд может представить построение, согласно которому демократия предполагает осуществление воли народа, а воля народа может быть выражена на референдуме. В связи с этим суд может прийти к выводу о том, что проведение референдума, хотя и не предусмотрено прямо, не будет противоречить конституции, закрепившей принцип демократии в числе основ конституционного строя. Это — рациональное построение в том смысле, что оно соответствует требованиям формальной логики. Но соответствует ли оно всем требованиям непредвзятого (англ.: *unbiased*) отбора исходных посылок на основе разумного конституционного выбора ценностей? Понимает ли орган конституционного контроля идею демократии в её самом общем значении как право народа осуществлять верховную политическую власть¹⁴ (в ситуации референдума — как верховенство воли большинства) и изолированно от идей правового государства, некоторые из которых направлены на установление пределов власти, в том числе и народа? Или

¹⁴ Проблема неоднозначности и недостаточности этой формулы подробно освещается в литературе. См., например: Концепции и определения демократии : антология / сост. А. В. Фененко. М. : КомКнига, 2006. С. 12–13; Хелд Д. Модели демократии / пер. с англ. М. Рудакова. М. : Издательский дом «Дело», 2014. С. 16–18.

суд рассматривает также более сложные эффекты сочетания конституционных принципов? Принимает ли суд во внимание, что голосование будет проводиться консолидировано по всем изменениям сразу, что, в свою очередь, означает риски прохождения не пользующихся поддержкой большинства положений вслед за теми, которые большинство действительно поддерживает? Предполагает ли сочетание принципов правового и демократического государства дополнительные размышления о соотношении суверенитета народа и верховенства конституции, легитимности и конституционности, о балансе конституционного развития и конституционной стабильности, о различиях между первичной и производной учредительной властью?

Этот же пример показывает, насколько сложна задача рационального обоснования решения. От органа конституционного контроля нельзя потребовать «теорию всего сущего», то есть нельзя потребовать включить в анализ вообще все обстоятельства. Речь идёт об отборе *релевантных* стартовых утверждений. Что релевантно, а что нет, — это в свою очередь вопрос, требующий внимания и обоснования. Тем не менее для практических целей сложность этого шага не должна переоцениваться. Орган конституционного контроля принимает решение «не с чистого листа». Существует конституционная доктрина, а набор проблемных вопросов, которые сопутствуют тем или иным конституционным формулам, хорошо известен специалистам. Орган конституционного контроля не связан существующими в науке доводами и ответами, он и сам является важным двигателем развития конституционной доктрины, но *это не значит, что, фокусируясь на некоторых аргументах, он может игнорировать хорошо известные, предсказуемо появляющиеся контраргументы, не теряя при этом рациональности своего решения*. Кроме того, для суда существует его собственная, уже наработанная практика. Изменение правовых позиций органа конституционного контроля с течением времени возможно, но также требует обоснования. Возвращаясь к нашему примеру, орган конституционного контроля, безусловно, может выбрать первую, самую простую логику построения ответа, но, как представляется, рациональность аргументации в этом случае будет определяться не только вышеназванной логикой, но и тем, сможет ли суд обосновать, почему он выбрал именно её и отвлёкся от всех тех вопросов, которые окружают проблему прямого волеизъявления граждан или проблему процедур изменения акта высшей юридической силы.

Имея в виду приведённую схему, обратимся к Заключению № 1-3 Конституционного Суда РФ.

3. Сроки полномочий Президента РФ

Далее наше внимание будет сконцентрировано на ключевых аргументах Конституционного Суда, на основании которых он пришёл к выводу о конституционности идеи, подразумевающей возможность действующего или бывшего Президента РФ избираться по новым правилам без учёта прежних сроков. Будут представлены две разных проблемы, которые могут быть усмотрены в аргументации. Одна из них связана с полнотой и непредвзятостью отбора релевантных соображений для анализа, вторая — с соблюдением правил формальной логики.

3.1. Аргумент о балансе

Аргументация в пункте 6.2 мотивировочной части Заключения, который посвящён проблеме сроков полномочий Президента РФ, начинается с идеи о том, что решение

о предельном числе сроков полномочий главы государства является «вопросом выбора баланса между различными конституционными ценностями. С одной стороны, конституционная характеристика демократического правового государства предполагает, хотя и не предопределяет, установление в этом аспекте достаточно жёстких ограничений. С другой стороны, конституционный принцип народовластия подразумевает возможность реализации народом права избрать на свободных выборах то лицо, которое он посчитает наиболее достойным должности главы государства, притом что его определение в рамках электоральной конкуренции всегда остаётся за избирателями». Этот тезис понятен. Тем не менее остаётся неясным, каким образом данная идея обосновывает *необходимость изменения уже достигнутого баланса*. Если ограничение двумя сроками (или двумя сроками подряд¹⁵) — это достигнутый баланс, почему он должен быть другим в отношении лиц, которые уже занимали или занимают этот пост? Конституционный Суд ограничивается указанием на то, что «на фоне этого базового баланса конституционный законодатель может учитывать и конкретно-исторические факторы принятия соответствующего решения, в том числе степень угроз для государства и общества, состояние политической и экономической систем и т. п.». Если этим обстоятельствам придаётся значение факторов, меняющих баланс, то они, по-видимому, должны быть прояснены в деталях. Однако этого не происходит. О каких именно угрозах и состояниях идёт речь, а главное, как именно они связаны со сроками полномочий конкретных лиц, — этого Суд не поясняет. Сложно было бы посчитать, что в данном случае Суд доверяет оценке конституционного законодателя, потому что, во-первых, именно её Суд и должен проверить в ходе рассмотрения дела, а во-вторых, соответствующее положение не было включено в изначальный проект реформы Конституции, и, соответственно, пояснительная записка к проекту не содержала мотивировки в этой части.

Ключевая проблема, однако, состоит, как представляется, в другой фразе. Суд утверждает, что «в её [Конституции] главах 1 и 2, равно как и в главе 9, не имеется положений, которые могли бы опровергнуть возможность такого решения, которое предполагается реализовать», но далее ограничивается проверкой соответствия рассматриваемого положения только части 4 статьи 3 Конституции, запрещающей узурпацию власти. При этом Суд никак не объясняет, почему во внимание взято именно это положение и только оно, но не иные, явно релевантные. Проблема сменяемости власти в республиканском демократическом государстве (статья 1 Конституции) — это очевидный «кандидат» для изучения. Менее очевидный, но также известный (причём как предопределивший в одном из зарубежных государств противоположный результат, то есть решение о недопустимости третьего срока) — это принцип разделения властей (статья 10 Конституции)¹⁶. В решении российского Суда усматривается своего рода *фрейминг, специфическое представление информации, с оставлением за рамками*

¹⁵ Конституционный Суд последовательно проводит линию, в соответствии с которой «два срока» и «два срока подряд» — это не одно и то же. Хотя это и не так принципиально для целей статьи, тем не менее оговоримся, что в рамках одного из подходов, выражение «не более двух сроков подряд» понимается буквально не как допускающее третий срок именно подряд, но как *ничего не говорящее* о том, допустим ли третий срок после перерыва. Если третий срок подряд недопустим, из этого ещё не следует вывод о том, что после перерыва третий срок допустим. Этот подход ориентирован на то, чтобы в сочетании с принципами демократической республики, предполагающими сменяемость власти, изначальная формула (не более двух сроков подряд) также допускала только два срока полномочий для одного лица.

¹⁶ См.: Corte Constitucional de Colombia. Sentencia C-141/10. URL: <https://www.corteconstitucional.gov.co/Relatoria/2010/C-141-10.htm> (дата обращения: 03.02.2021). Анализ дела см.: Диксон Р., Ландау Д. Транснациональный конституционализм и ограниченная доктрина неконституционного изменения конституции // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 2 (111). С. 32–63, 41.

обсуждения ряда принципов, существенных для постулируемой идеи о том, что в указанных главах «не имеется положений, которые могли бы опровергнуть...». Иными словами, Суд уделяет внимание далеко не всем относящимся к делу сценариям, отражающим последствия принимаемого решения. Дело тут не в сути итогового вывода о допустимости следующих сроков, а в том, что из-за игнорирования важных аспектов проблемы вывод выглядит не как вывод, не как доказанный результат, а как простое утверждение, убедительность которого для читателя остаётся как минимум под вопросом.

Подчёркнём, что это отдельная, самостоятельная проблема и её не решают дополнительные указания на то, что «это решение — с тем чтобы гарантировать реализацию конституционно-правовых характеристик государства как демократического, правового, имеющего республиканскую форму правления, — должно в любом случае сопровождаться другими институциональными гарантиями. К таковым относятся прежде всего развитый парламентаризм, реальная многопартийность, наличие политической конкуренции, эффективная модель разделения властей, снабжённая системой сдержек и противовесов, а также обеспечение прав и свобод независимым правосудием, включая деятельность Конституционного Суда Российской Федерации». Перечисленные гарантии не спасают ситуацию по следующей причине: если снятие ограничений по сроку полномочий несёт риски именно для этих гарантий (например, для принципа разделения властей), то их наличие не доказывает допустимость снятия ограничений; если в перспективе именно гарантии «пострадают», то они при этом и перестанут быть гарантиями.

Кроме того, само наличие этих гарантий также вызывает вопросы. С одной стороны, можно заметить стремление Конституционного Суда к тому, чтобы не возникало разрыва между должным и сущим (поскольку было бы действительно нелогично, если бы речь шла о гарантиях, которым ещё только предстоит появиться, притом что решение о сроках полномочий главы государства принимается уже теперь). С другой стороны, Суд, во-первых, всё-таки не делает прямого утверждения о том, что в России уже существует «развитый парламентаризм» (вместо этого: «Закон о поправке существенно расширяет возможности Федерального Собрания в сфере формирования исполнительной власти и контроля... совершенствуя тем самым конституционную модель разделения властей. При этом Государственная Дума приобретает более устойчивые позиции в системе сдержек и противовесов в связи с сокращением случаев, когда она подлежит обязательному роспуску»), или «реальная многопартийность», или «политическая конкуренция» (вместо этого: «Никоим образом не затрагиваются в негативном аспекте многопартийность и политическая конкуренция, притом что за последнее десятилетие в едином комплексе развития законодательной основы политико-партийных и избирательных отношений в Российской Федерации были предприняты меры, направленные на их укрепление»¹⁷). Во-вторых, Суд упускает из обсуждения некоторые из названных им гарантий (например, не комментирует «обеспечение прав и свобод независимым правосудием»). Представляется, что, *если Суд сам ставит возможность поправки в прямую зависимость от наличия конкретных институциональных гарантий,*

¹⁷ Цитируемые тезисы, в свою очередь, нуждаются в развёртывании, но, даже если мы увидим их обоснованными, можно заметить, что «расширение», «совершенствование», «укрепление» — это всё маркеры некоторых процессов, которые, может быть, уже привели, а может быть, ещё не привели к искомому результату в виде наличествующих к моменту принятия поправки институциональных гарантий. Позицию, в соответствии с которой «реальность каждой из упомянутых гарантий может быть опровергнута», см.: Должиков А. Уже пора умом Россию понимать? Требование пригодности в конституционном правосудии // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 6 (139). С. 51–86, 54.

обоснование того, что все из них действительно существуют, немаловажно для итогового вывода.

3.2. Аргумент об отличии от прежней ситуации

В пункте 6.2 мотивировочной части Заключения звучит также ответ на вопрос, который мог бы быть поставлен в связи с позицией, заявленной в своё время в Определении от 5 ноября 1998 года № 134-О, о том, что два срока полномочий подряд составляют конституционный предел.

Ответ состоит из двух частей. Во-первых, Суд уточняет, что данная позиция не была увязана «в аргументации Конституционного Суда Российской Федерации с какими-либо положениями глав 1 и 2 Конституции Российской Федерации, которые позволяли бы рассматривать соответствующую позицию как общее правило, не обусловленное конкретным нормативным содержанием статьи 81 Конституции Российской Федерации».

Во-вторых, Суд пишет, что «в Определении от 5 ноября 1998 года № 134-О подчёркивалось применительно к рассматриваемой в нём ситуации, что “Конституция Российской Федерации не содержит специальной оговорки о том, что указанный в пункте 3 её раздела второго “Заключительные и переходные положения” срок полномочий Президента Российской Федерации не включается в сроки, предусмотренные статьёй 81 (часть 3) Конституции Российской Федерации”. Это кардинальным образом отличается от ситуации, когда положениями статьи 81 (часть 3) Конституции Российской Федерации в предлагаемой редакции и части 6 статьи 3 Закона о поправке как раз и предусматривается специальная оговорка, не исключающая возможности занимать должность Президента Российской Федерации без учёта числа сроков, в течение которых лицо, на которое распространяются эти положения, занимало и (или) занимает эту должность на момент вступления в силу поправки к Конституции Российской Федерации».

В итоге, по мысли Суда, позиция, «выраженная в указанном Определении, по существу, подтверждает возможность регулирования, предусмотренного в этом аспекте Законом о поправке».

Первая часть этого ответа демонстрирует достаточно узкую задачу Суда в связи с обращением к Определению. Он стремится показать, что Определение само по себе не является препятствием для нынешнего заключения. Если бы Суд стремился развить прежнюю позицию с содержательной точки зрения, он мог бы не ограничиваться указанием на то, что прежде аргументация не связывалась с главами 1 и 2 Конституции, и связать её с ними, поскольку Определение, по всей видимости, и не препятствовало этому (как было показано выше, это было сделано в лучшем случае фрагментарно). Возможно, задача действительно могла быть поставлена так узко, однако в таком случае несколько сомнительно выглядит оборот о том, что позиция, выраженная в Определении, «подтверждает возможность регулирования», предусмотренного исследуемым Законом о поправке. Она едва ли «подтверждает», она в лучшем случае только «не исключает», что, естественно, имеет совсем другое доказательственное значение и иную убеждающую силу.

Вторая часть ответа вызывает больше сомнений с точки зрения формальной логики. В задачи Конституционного Суда входит проверка поправки. Тезис о том, что на момент принятия Определения заключительные и переходные положения Конституции не содержали оговорок, а нынешняя ситуация кардинально отличается, потому что Закон о поправке «как раз и предусматривает специальную оговорку», приводит, как представляется, к *логическому кругу*, не учитывающему, что как раз это-то положение, которое

предусматривает оговорку, и подлежит проверке. В 1998 году, не видя никаких оговорок в Конституции, Суд не усмотрел возможности для третьего срока. Теперь, в момент вынесения Заключения, в редакции Конституции, на предмет соответствия которой проверяется Закон о поправке, никаких оговорок по-прежнему нет. Закон о поправке, предусматривающий эту оговорку и проверяемый Судом, *фактически выступил как основание конституционности себя самого*.

Мы не рассматриваем подробно ещё одну идею, прозвучавшую в пункте 6.2, которая касается «дополнительной конституционной легитимности» решения, вытекающего из части 3.1 статьи 81, получаемой на основе общероссийского голосования. Во-первых, конституционность самой этой части процедуры принятия поправок — общероссийского голосования — резонно вызывает в профессиональной среде вопросы¹⁸. Обоснование одной идеи через другую идею, в свою очередь вполне уязвимую для критики, не приносит решению дополнительной убедительности. Во-вторых, голосование граждан и вопрос конституционности являются несовпадающими категориями. Тот факт, что граждане поддерживают некоторую идею, ещё не означает, что эта идея конституционна. Тем временем в задачи органа конституционного контроля входит именно проверка конституционности решений, в том числе принимаемых народом или его представителями (по крайней мере, до тех пор, пока речь формально не идёт о реализации первичной учредительной власти, то есть о полном пересмотре конституции¹⁹). В-третьих, сам по себе оборот «конституционная легитимность» не вполне понятен. Как конституционная легитимность соотносится с известными в науке видами легитимности? В том числе с рациональной (демократической) легитимностью? Если они совпадают, то какое приращение смыслов происходит за счёт введения в оборот нового термина? Если не совпадают, то в чём именно? Как представляется, в анализируемом документе аргументация не раскрывается с той степенью подробности, которая позволяла бы ответить на эти вопросы. Здесь заметна скорее некоторая селективность посылок, *предвзятость подтверждения*, то есть стремление отобрать позиции, сообразующиеся с некоторой концепцией, интерпретировать информацию таким образом, чтобы подтвердить уже воспринятую концепцию. Такого рода «каскад доступной информации» способствует её усвоению, но сам по себе не повышает итоговую достоверность выводов.

4. Проблема восприятия решения

Качество аргументации органом конституционного контроля своих решений, сохранение его позиции на рациональном пересечении конституционной разумности и формальной логики — это проблемы, имеющие непосредственное отношение к отстаиванию субъектности данного органа и его особого положения в системе разделения властей и защиты конституции. В литературе справедливо подчёркивается проблема характерного для догматической школы «обезличенного» восприятия органов власти. Привычный

¹⁸ См.: Таева Н.Е. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации: эволюция юридических свойств // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 8 (117). С. 43—54, 52.

¹⁹ Хотя и тут можно было бы конструировать идею подчинения даже первичной учредительной власти неким «надконституционным» правовым принципам; такой подход к истории конституционного права также известен, причём как часть стратегии противостояния уже полученному негативному опыту нарушения принципов правового государства. В частности, идею о том, что «некоторые конституционные принципы имеют настолько основополагающий характер и настолько существенно выражают право, предвосхищающее конституцию, что они связывают и создателя конституции», см.: Bundesverfassungsgericht. 1 BVerfGE 14. Urteil vom 23. Oktober 1951. URL: <http://www.servat.unibe.ch/dfr/bv001014.html> (дата обращения: 03.02.2021).

акцент на статусных характеристиках приводит к восприятию субъекта в очень формальном ключе, со стёртыми индивидуальными чертами: «Столкновение с этим субъектом напоминает столкновение с маской. Предполагается, что за маской кто-то есть, но фактически очень часто там никого нет; субъект стал маской»²⁰.

В отличие от такого формализованного подхода заимствованное из психологической науки понятие *субъектности* призвано поставить более заметный акцент на характеристиках деятельностных способностей индивидов или их групп (в том числе их «агентивности», то есть способности сохранять контроль над тем, что происходит в их жизни, быть движущей силой действия, управлять ходом своей деятельности, связывая в ней постановку целей и их достижение, в том числе в условиях давления неблагоприятных обстоятельств), а также выделить способность переходить к той или иной (меняющейся для разных отношений) мере активного влияния на внутренние и внешние процессы и качество принимаемых ими решений²¹. *Стремление видеть в решениях суда не механистическую поддержку тех или иных начинаний политических ветвей власти, а качественную аргументацию в вопросах, имеющих большое значение для защиты конституции, — это часть уважительного отношения к субъектности органа конституционного контроля и составляющих его судей.* Вместе с тем помещение органа конституционного контроля в контекст подхода, в рамках которого «субъект» это прежде всего «носитель деятельности, сознания и познания»²², и связанная с этим оценка рациональности аргументации суда (как субъекта познания) также требуют аккуратности.

4.1. Когнитивные искажения?

Проблема предвзятости в отборе информации и сбоя при выстраивании логических цепочек не нова. В науке существует направление исследований, связанных с изучением когнитивных искажений. Речь идёт о попытках выявить и объяснить систематические ошибки²³ в процессах формулирования суждений, рассуждений и принятия решений. В рамках этого направления происходит признание *отклонений от рациональности* и отыскиваются способы преодоления таких отклонений. Существенный момент заклю-

²⁰ Честнов И.Л. Постклассическая теория права. СПб.: Алеф-Пресс, 2012. С. 63.

²¹ См.: Леонтьев Д.А. Что даёт психологии понятие субъекта: субъектность как измерение личности // Эпистемология и философия науки. 2010. № 3 (25). С. 135–153.

²² См.: Лекторский В.А. Новая философская энциклопедия. Т. 3. М.: Мысль, 2001. С. 659–660. Здесь можно заметить своего рода корреляцию философского подхода и идей, озвученных в рамках психологической науки (см. в особенности: Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975). Кроме того, примечателен акцент, сделанный В.А.Лекторским на коллективном субъекте как носителе «определённых норм деятельности, познания и коллективного сознания, “коллективных представлений”» и как системе «взаимоотношений входящих в него индивидов».

²³ Важно понимать, что термин «систематическая ошибка», употребляемый чаще в фундаментальных науках, имеет не оценочное, а статистическое значение, связанное с тем, что выводы, сделанные применительно к какой-либо группе явлений, могут оказаться неточными вследствие предвзятого отбора в эту группу. Это ошибочное использование как полной той выборки (фактов, суждений и так далее), которая в действительности является неполной или неравномерно полной. Систематические ошибки связываются с причинами, действующими определённым образом, и проявляются в неслучайных местах. Например, в наблюдательной астрономии известен «сдвиг Малмквиста» — эффект, приводящий к преимущественному обнаружению небесных объектов высокой светимости. Этот эффект требует правильного учёта при составлении обзоров звёзд. Другой известный пример, уже из области скорее здравого смысла, — это «ошибка выжившего», то есть систематическая ошибка отбора, когда общие выводы делаются на основе данных, актуальных только для части изучаемых явлений.

чается в том, что когнитивистика связывает искажения не с какой-то принципиально негативной природой человечества или чьим-то злым умыслом, а с особенностями функционирования познания²⁴.

По-видимому, уделение внимания наработкам, достигнутым в отношении когнитивных процессов, может принести пользу конституционно-правовой науке. Необходимость непредвзятости и строгой последовательности в рассуждениях — это, в сущности, очень общая идея философии и психологии познания, применимая в различных областях деятельности. Когнитивистика может быть полезна уже тем, что внятно описывает суть искажений и призывает к тому, чтобы отрефлексировать их. Для научного мышления это важная часть выхода из замкнутого круга воспроизводства и усугубления искажений. Научное знание предполагает стремление к неискажённой картине действительности.

В то же время проблемы, которые напоминают манифестацию когнитивных искажений, — это не всегда собственно когнитивные искажения. Насколько можно судить по описаниям соответствующих эмпирических данных, когнитивные искажения — это ошибки хотя и не случайные, но произвольные. Когда речь идёт именно о подобных искажениях, указание на них уже может поспособствовать исправлению ситуации. Однако можно ли сказать, что рассматриваемое Заключение Конституционного Суда содержит в себе манифестацию когнитивных искажений?

4.2. Политико-правовой контекст

В действительности обсуждаемое Заключение подводит нас к более сложной проблеме. Что представляет собой процесс принятия и обоснования решения органом конституционного контроля? Похож ли этот процесс на решение задачи, при котором на определённой основе происходит отбор исходных данных и посредством цепочки умозаключений может быть получен ответ? Или речь идёт о выборе (поддержке) по ряду причин конкретного ответа, обоснование которого строится с учётом уже сделанного выбора? Какое значение в этих процессах имеют особенности функционирования нейронных связей, а какое — типы взаимодействия внутри группы, а также группы с иными субъектами?

Эти вопросы имеют непосредственное отношение к границам аргументации и проблемам её убедительности. Возможно, аргументация органа конституционного контроля, которая вызывает вопросы, на самом деле рациональна, но в другой системе координат, более сложной, включающей в себя не только текст конституции, но также и всё поле взаимодействия различных субъектов конституционно-правовых отношений. Соответственно, причины, вызывающие изменения разумной основы и логики аргументации, могут быть связаны не с теми эволюционными процессами, которые приводят отдельных индивидов к когнитивным искажениям (необходимость принимать решения в условиях неопределённости, стремление к ощущению комфорта от принятых решений и другое), а со спецификой политико-правовой ситуации и реакции на неё органа конституционного контроля — с попытками выстроить защиту от предполагаемых угроз для

²⁴ Один из ключевых сборников работ в области когнитивных искажений, см.: Judgment Under Uncertainty: Heuristic and Biases / ed. by D. Kahneman, P. Slovic, A. Tversky. Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 2001. Обзор некоторых проблем направления см. также: Попов А. Ю., Вихман А. А. Когнитивные искажения в процессе принятия решений: научная проблема и гуманитарная технология // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2014. № 1 (7). С. 5–16.

общества и государства, сохранить статус-кво в системе властных отношений, уйти от прямого конфликта, не рисковать текущим статусом и так далее (содержательно разных вариантов продолжения этого перечня может быть действительно много). В таком случае указания на проблемы аргументации с позиций разумности конституционных ценностей и формально-логической рациональности едва ли имеют большой потенциал для изменения практики. Соответственно, проблематика переходит в принципиально иную плоскость — не в область степени рациональности аргументации, а в области положения органа конституционного контроля в системе власти, его предназначения, условий его эффективного функционирования, правовых способов разрешения конституционных конфликтов и так далее.

5. Заключение

Сложно переоценить значение аргументации решений органов конституционного контроля. Рационально выстроенная аргументация, приводящая к обоснованным выводам, даёт большой вклад в убедительность решения и в конечном счёте в его возможность сохранять высшую юридическую силу и верховенство конституции, а также влиять в позитивном ключе на развитие правовой системы. В моменты масштабного изменения конституции степень приверженности выраженным в ней фундаментальным ценностям правового государства становится особенно заметна.

Попытки оценить рациональность тех или иных решений конституционного суда ставят много сложных вопросов, которые возвращают нас к критериям рациональности и способам реагирования на отклонения от неё. Дело осложняется тем, что рациональность в конституционном праве проблематично рассматривать в отрыве от конкретного социального и политического контекста.

Большую роль в преодолении обозначенных трудностей призван играть сам суд. Из комбинирования соображений о рациональном построении аргументации и серьёзном отношении к субъектности органа конституционного контроля вытекает идея об удержании *стандарта рациональности*, который и сам этот орган считает релевантным. Однако и системные связи, и реакции иных акторов имеют значение. Как представляется, наличие сильного (в значении способности к защите конституционных ценностей) органа конституционного контроля — это выигрыш в долгосрочной перспективе для всех субъектов конституционно-правовых отношений.

Библиографическое описание:

Троицкая А. Селективная рациональность? Аргументация Конституционного Суда РФ о сроках полномочий Президента в зеркале когнитивистики // Сравнительное конституционное обозрение. 2021. № 1 (140). С. 84—99.

Selective rationality? Argumentation of the Constitutional Court of the Russian Federation on the terms of office of the President in the mirror of cognitive science

Alexandra Troitskaya

Doctor of Sciences in Law, Associate Professor of the Constitutional and Municipal Law Department, Faculty of Law at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (e-mail: stephany@mail.ru).

Abstract

The Decision (Zaklyuchenie) of the Constitutional Court of the Russian Federation on the constitutionality of the constitutional amendments played a significant role for the entry into force of the amendments to the Constitution of the Russian Federation adopted in 2020. For this reason, and in connection with the fact that many of the novels raise questions precisely from the point of view of their compliance with Chapters 1, 2 and 9 of the Russian Constitution, the positions formulated in the Decision attract serious attention. The article analyzes the arguments of the Court on one of the significant innovations — the possibility of being elected to the post of President of Russia by a person who held or holds this position at the time the amendment entered into force, without taking into account the previous terms. This reasoning is placed in the context of the demands of rationality in constitutional law. The article is aimed at implementing *bona fide* intentions related to confirming the subjectivity of the body of constitutional review and identifying ways to improve its argumentation. The activities of the constitutional court are presented in the article as part of reasonable foresight, which implies the creation of guarantees for the case of deviation from constitutional values. The rationality of its argumentation is understood as the sum of requirements connecting in a certain way 1) formal logic and 2) substantive reasonableness, determined by the value choice made in the constitution. It is demonstrated that the rationality of the argumentation formulated in the Decision of the Constitutional Court on the problem of the term of office of the head of state can be questioned from these points of view and, for this reason, cause associations with cognitive distortions (such as bias in the selection of initial premises for argumentation; incomplete study of scenarios reflecting the consequences of a reviewed amendment; framing; logical circle, etc.). At the same time, the article reveals the limitations of the “naive” cognitive approach, which is insufficient for working with the argumentation of the body of constitutional review and which actualizes additional consideration of the political and legal context of decision-making by this body.

Keywords

Constitutional Court of the Russian Federation; argumentation; amendments to the Constitution; the term of office of the president; rationality.

Citation

Troitskaya A. (2021) *Selektivnaya ratsional'nost'?* Argumentatsiya Konstitutsionnogo Suda RF o sroках polnomochiy Prezidenta v zerkale kognitivistiki [Selective rationality? Argumentation of the Constitutional Court of the Russian Federation on the terms of office of the President in the mirror of cognitive science]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, vol. 30, no. 1, pp. 84–99. (In Russian).

References

- Alexy R. (2002) *A Theory of Constitutional Rights*, Oxford; New York: Oxford University Press.
- Bartsits I. N. (2018) Konstitutsionnyy dizayn (o krasote i estetike konstitutsiy) [Constitutional design (on the beauty and aesthetics of constitutions)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, no. 41, pp. 344–370. (In Russian).
- Belov S. A. (2017) Razumnost' i ratsional'nost' v konstitutsionnom prave [Reasonableness and rationality in constitutional law]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, no. 4, pp. 9–22. (In Russian).
- Bogdanova N. A. (ed.) (2017) *Konstitutsionnoe pravo. Obshchaya chast'* [Constitutional law. General approaches], Moscow: Zertsalo. (In Russian).
- Chestnov I. L. (2012) *Postklassicheskaya teoriya prava* [Postclassical theory of law], Saint Petersburg: Alef-Press. (In Russian).
- Dixon R., Landau D. (2016) Transnatsional'nyy konstitutsionalizm i ogranichennaya doktrina nekonstitutsionnogo izmeneniya konstitutsii [Transnational constitutionalism and a limited doctrine of unconstitutional constitutional amendment]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, vol. 25, no. 2, pp. 32–63. (In Russian).
- Dolzhikov A. (2020) Uzhe pora umom Rossiyu ponimat'? Trebovanie prigodnosti v konstitutsionnom pravosudii [Is it time to understand Russia rationally? Test of suitability in constitutional adjudication]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, vol. 29, no. 6, pp. 51–86. (In Russian).

- Fenenko A. V. (ed.) (2006) *Kontseptsii i opredeleniya demokratii: antologiya* [Concepts and definitions of democracy: an anthology], Moscow: KomKniga. (In Russian).
- Fleming J. E. (2014) Fidelity, Change, and the Good Constitution. *American Journal of Comparative Law*, vol. 62, no. 3, pp. 515–546.
- Ginsburg T. (ed.) (2012) *Comparative Constitutional Design*, Cambridge; New York: Cambridge University Press.
- Kahneman D., Slovic P., Tversky A. (eds.) (2001) *Judgment Under Uncertainty: Heuristic and Biases*, Cambridge; New York: Cambridge University Press.
- Khabrieva T. Ya. (2018) Konstitutsionnaya reforma v sovremennom mire [Constitutional reform in the modern world]. In: *Izbrannye trudy. T. 5* [Selected works. Vol. 5], in 10 vols., Moscow: Rossiyskaya akademiya nauk, pp. 13–302. (In Russian).
- Held D. (2014) *Modeli demokratii* [Models of democracy], M. Rudakov (transl.), Moscow: Izdatel'skiy dom "Delo". (In Russian).
- Lektorskiy V. A. (2001) *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New philosophical encyclopedia], vol. 3, Moscow: Mysl'. (In Russian).
- Leont'ev A. N. (1975) *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality], Moscow: Politizdat. (In Russian).
- Leont'ev D. A. (2010) Chto daet psikhologii ponyatie sub'ekta: sub'ektnost' kak izmerenie lichnosti [What does the concept of a subject give to psychology: subjectivity as a measurement of personality]. *Epistemologiya i filosofiya nauki*, no. 3, pp. 136–153. (In Russian).
- Mau V. A. (1999) Konstitutsionno-pravovye preobrazovaniya i ekonomicheskie reformy [Constitutional transformations and economic reforms]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 45–55. (In Russian).
- Medushevsky A. (2011) Kognitivnaya teoriya prava i yuridicheskoe konstruirovaniye real'nosti [The cognitive theory of law and legal engineering of the reality]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, vol. 20, no. 5, pp. 30–42. (In Russian).
- Popov A. Yu., Vikhman A. A. (2014) Kognitivnye iskazheniya v protsesse prinyatiya resheniy: nauchnaya i gumanitarnaya tekhnologiya [Cognitive biases in decision-making as a scientific problem and applied technique]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya*, no. 1, pp. 5–16. (In Russian).
- Taeva N. E. (2020) Zakon Rossiyskoy Federatsii o popravke k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii: evolyutsiya yuridicheskikh svoystv [The Law of the Russian Federation on amendment to the Constitution of the Russian Federation: evolution of legal properties]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*, no. 8, pp. 43–54. (In Russian).
- Timoshina E. V. (2016) Sud'ya kak novyy suveren: volyuntaristskaya teoriya tolkovaniya Mishelya Tropera [Judge as a new sovereign: voluntaristic interpretation theory of M. Troper]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki*, no. 2, pp. 50–61. (In Russian).
- Troper M. (2005) Problema tolkovaniya i teoriya verkhoventva konstitutsii [Problem of interpretation of constitution and the theory of its supremacy]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, vol. 14, no. 4, pp. 171–181. (In Russian).
- Troper M. (2006) Realisticheskaya teoriya tolkovaniya [Realistic school of interpretation]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, vol. 15, no. 1, pp. 136–143. (In Russian).
- Uroshleva A. (2020) Evolyutivnyy podkhod v argumentativnoy praktike konstitutsionnogo pravosudiya [Evolutionary approach in reasoning practice of constitutional justice]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, vol. 29, no. 6, pp. 87–112. (In Russian).